

ШКОЛА И РУССКИЙ ЯЗЫК

РУССКАЯ ШКОЛА В ЛАТВИИ (1918–1940 гг.)

Татьяна Фейгмане
(*Rīga*)

Одним из главных показателей положения национальных меньшинств является возможность получения ими образования на родном языке. В этом отношении Латвия в 20–30-е гг. являла собой образец демократизма в решении этого вопроса. Уже в декабре 1919 г. Народным советом были приняты законы «О просветительных учреждениях Латвии» и «Об организации школ меньшинств в Латвии». Согласно последнему, национальные меньшинства, проживавшие в только что созданном Латвийском государстве и составлявшие четвертую часть его населения, получили право на автономию в деле организации школьного дела. Закон, в частности, предусматривал, что из денежных средств, отведенных государством и общественными учреждениями, школам меньшинств должна причитаться часть, соответствующая их проценту в населении страны¹. В то же время в законе «О просветительных учреждениях» оговаривалось право меньшинств требовать открытия особых классов в случае, если в них набиралось не менее 30 учащихся².

В начале 1920 г. в Латвии, при Школьном департаменте Министерства образования, были созданы: русский, немецкий,

¹ Valdības Vēstnesis, 1919, 18 dec.

² Там же.

еврейский, польский и белорусский отделы. Таким образом, русские, составлявшие 10,5% в населении страны, евреи – 5,19%, немцы – 3,85%, поляки – 2,77% и белорусы – 2,06%³, получили возможность не только создавать свои национальные школы, но и реально влиять на развитие образования в своей национальной среде. Начальники упомянутых отделов представляли интересы своей национальности не только в области образования, но и культуры в целом, имели право на участие в заседаниях Кабинета министров с правом совещательного голоса при обсуждении данных вопросов.

Основные направления работы национальных отделов, в их числе и Русского отдела, заключались в определении сети и открытии основных, средних и профессиональных школ, заботе об улучшении материального и правового положения учителей, повышении их квалификации; подготовке преподавателей для основных школ; контроле за деятельностью школ; материальной и моральной поддержке национальных учреждений культуры и в утверждении и освобождении от работы учителей средних школ.⁴

Правда, в полном объеме перечисленные выше функции никогда, даже в самые благоприятные годы, не выполнялись. В частности, основная школа фактически оказалась в ведении самоуправлений. Как правило, не выполнялось и положение относительно пропорциональности бюджетных ассигнований. Однако в целом закон «Об организации школ меньшинств» оказался жизнеспособным и благодаря ему в Латвии быстро развернулась широкая сеть национальных школ. Безусловно, такой подход к постановке образования является прогрессивным и демократичным. Это был значительный шаг вперед в сравнении с проводившейся еще в недалеком прошлом политикой германизации, а затем русификации. Руководителям Латвийского государства хватило политической мудрости не следовать имевшимся образцам и сделать демократический выбор. И на-

³ Otrā tautas skaitīšana Latvijā, 1925, d. 10. februārī. – Rīga, 1925, 55 ep.

⁴ ЛГИА. ф. 2125, оп. 1, д. 59, л. 11.

циональные меньшинства по достоинству это оценили, активно включившись в процесс строительства молодого государства.

Бесспорно, что период действия парламентской демократии был наиболее благоприятным для школ национальных меньшинств. Вместе с тем было бы неверным и идеализировать положение, в котором приходилось существовать национальным школам, даже в самые благоприятные для них годы. Об этом говорят многие факты из истории русских учебных заведений. Например, уже в самом начале 20-х гг. с серьезными проблемами столкнулась Рижская городская русская средняя школа, считавшая себя правопреемницей работавшей в Риге до первой мировой войны Ломоносовской гимназии. Однако Городская дума, не признав эту правопреемственность, отказала школе в занимаемом помещении. Под угрозой оказалось и финансирование школы из городской казны. К тому же в латышской прессе появились статьи о якобы недояльном отношении учителей этой школы к требованиям Министерства образования, о том, что в школе проводится политика русификации в отношении нерусских детей, в большом числе обучавшихся в ней. В ответ на эти обвинения в русской печати появились статьи в защиту школы. Например, в одной из самых известных рижских газет – газете «Сегодня» появилась статья начальника Русского отдела Ф.А.Эрна, в которой он, отвергая выдвинутые обвинения, подчеркивал, что о преднамеренной русификации латышских и еврейских детей в школе не может быть и речи, ибо представителей других национальностей никто не заставляет учиться в русской школе. Ф.А.Эрн считал недопустимым закрепление учащихся в школах согласно их национальной принадлежности и выражал надежду, что правительство молодой демократической Латвии не пойдет по этому опасному пути, на который его толкают слишком ярые националисты⁵.

Опасения за судьбу русской гимназии были высказаны и в статье ее директора А.П.Моссаковского: «Нет спора – город

⁵ Сегодня, 1921, 24 мая.

переживает тяжелый финансовый кризис, но русское общество не может и не вправе мириться с тем, чтобы городские финансы поправлялись... за счет именно русской школы и русского населения... Мы не добиваемся никаких льгот и преимуществ..., но с нашей стороны было бы грехом, преступной небрежностью и доказательством политической и национальной незрелости поступиться чем-нибудь из того, что нам представляется нашим неотъемлемым правом. Ни на волос больше, но и ни на волос меньше, чем другим. Это твердо должно быть усвоено как нами, так и теми, от кого зависит судьба школы»⁶. В конечном счете Рижской городской русской средней школе удалось отстоять свое право на существование. Но в 1935 г., уже в условиях авторитарного режима, это самое популярное в Латвии русское учебное заведение оказалось закрытым, так как городские власти отказали ему в дальнейшем финансировании.

Одной из проблем, с которой столкнулась русская школа в 20-е гг., был вопрос о так называемых учителях-иностранцах, т.е. лицах, не имевших латвийского подданства. Циркуляром Министерства образования от 15 марта 1924 г. предписывалось резко сократить число таких учителей. Для русской школы это было бы тяжелым ударом, ибо в то время в ней работало много талантливых педагогов, эмигрировавших из Советской России. Но благодаря дружным усилиям русской общественности большинству из этих учителей удалось сохранить свои места и, воспользовавшись либеральным законодательством, получить латвийское гражданство. Еще одной проблемой была сдача экзамена по государственному языку, от которого, однако, освобождались те, кто получил уже образование в Латвийской Республике, и те, кто был старше 50 лет.

Но самой серьезной проблемой была борьба вокруг школьной автономии, не устраивавшей националистически настроенных политиков. В Сейме не раз предпринимались попытки если не ликвидировать, то хотя бы урезать школьную автономию. Уже в 1925 г. был разработан проект нового закона, в котором не бы-

⁶ Там же, 25 мая.

ло даже отдельной статьи о школах меньшинств, об управлении ими. Однако проект закона, во многом благодаря активной позиции депутатов от меньшинств, не получил поддержки большинства. Новая, более мощная атака на школьную автономию была предпринята в начале 30-х гг. министром образования А.Кениньшем, считавшим, что языком преподавания во всех средних школах, содержащихся государством и самоуправлениями, должен стать латышский язык. Министр считал абсурдным субсидирование национальных школ в соответствии с численностью русских, немцев, евреев и т.д. Вместе с тем он допускал существование частных школ с преподаванием на языках меньшинств. А.Кениньш и его сторонники полагали, что в случае реализации предлагаемой ими политики рухнет стена, разделяющая коренную нацию и меньшинства⁷.

Однако предлагаемая реформа встретила противодействие не только со стороны меньшинств, но и в определенных латышских кругах. Например, газета «Брива земе» – близкая к Карлису Ульманису – выражала опасение, что в случае успеха предлагаемой реформы местные евреи настолько хорошо освоят латышский язык и культуру, что войдут в латышскую культуру и латышские политические партии, тем самым еще более усилив свое влияние в Латвии⁸. С иных позиций политику А.Кениньша критиковал один из лидеров латвийских социал-демократов Ф.Мендерс, справедливо полагавший, что все навязываемое методами Держиморды становится скорее отвратительным, нежели привлекательным. Поэтому латышская культура должна опасаться последствий того, когда в среду нелатышской молодежи всеми подлинно царскими методами «национального возрождения» будет вбит «латышский дух»⁹.

В конце концов атака на школьную автономию была отбита, но, как оказалось, не надолго. То, что нельзя было осуществить в условиях демократии, оказалось легко осуществимым после

⁷ Сегодня вечером, 1933, 19 мая.

⁸ Brīva zeme, 1932, 18 aug.

⁹ Sociāldemokrāts, 1932, 9 sept.

государственного переворота 15 мая 1934 г., ликвидировавшего демократические институты власти.

Уже 12 июня 1934 г. был принят новый закон «О народном образовании»¹⁰. Этим законом и последовавшими за ним актами школьная автономия была ликвидирована. Распоряжением правительства от 17 июля 1934 г. были упразднены национальные отделы при Министерстве образования. Вместо них в Школьном департаменте вводились должности референтов, полномочия которых были несопоставимы с теми, которыми прежде обладали начальники отделов.

Одним из проявлений действия нового закона стала инструкция «О распределении учащихся по национальности». Согласно этому документу дети, у которых хотя бы один из родителей принадлежал к коренной нации, впредь должны были учиться в латышской школе. Дети же меньшинств могли учиться только в школах той народности, к какой принадлежали их родители. Если же они не владели языком своей народности, то должны были учиться в школе с государственным языком преподавания. Эта инструкция не затрагивала лишь учащихся выпускных классов¹¹. Особо ощутимо эта инструкция задела русские школы, где национальный состав учащихся был наиболее пестрый.

Хотя в целом в 20-е и 30-е гг. в Латвии и был достигнут известный прогресс в области развития русского образования, этот процесс не носил перманентного характера.

Вот данные (в процентах) о росте грамотности населения (в возрасте старше 10 лет)¹²:

Национальность	1920	1925	1930
латыши	84,33	89,21	89,91
немцы	94,60	97,10	97,65
евреи	82,70	87,66	88,91
русские	41,32	57,86	62,74
белорусы	43,03	57,83	64,60

¹⁰ Valdības Vēstnesis, 1934, 17 jūl.

¹¹ Valdības Vēstnesis, 1934, 18 aug.

¹² Trešā tautas skaitīšana Latvijā 1930. gadā. – Rīgā, 1930, 337 ep.

Мы видим, что хотя с 1920 по 1930 г. наиболее быстро процент грамотных увеличивался у русских и белорусов, тем не менее по этому показателю они оставались на последних местах. Особенно тяжелым было положение в Латгалии, где проживала основная масса русского населения. В 1920 г. там только 34,13% русских умели читать, а в 1930 г. – 56,44%¹³. Это объяснялось как следствием исторического развития этого края, так и тем, что основная масса русского населения, проживавшего там, принадлежала к малоимущим слоям.

В то же время количество русских народных школ (в понятие «народные школы» входили дошкольное, домашнее обучение, основные школы, дополнительные и для дефективных детей) и учащихся в них в рассматриваемый период было подвержено заметным колебаниям.

Наибольшее число русских народных школ и учащихся в них пришлось на начало 30-х гг. В 1930/31 учебном году в Латвии насчитывалось 243 русские народные школы, в которых обучался 21251 учащийся. В то же время статистика показывает, что довольно значительное число русских учащихся – 3334 – осваивали азы знаний вне русских школ. Обращает на себя внимание и тот факт, что в 1930/31 учебном году процент русских учащихся в народных школах равнялся 13,1%, т.е. несколько превышал процент русских в населении страны. Однако начиная с 1932/33 учебного года наблюдается устойчивая тенденция к сокращению числа русских школ, что в известной мере было связано с политикой укрупнения сельских школ, но в большей степени – с национальной политикой государства. Например, в 1936/37 учебном году число русских народных школ сократилось до 166, их процент упал до 8,6% (для сравнения: в 1930/31 учебном году – 12,1%), а число учащихся в них сократилось до 18641. Однако общее число русских учащихся и их процент возросли. Всего в народных школах обучалось 32397 русских учащихся, составлявших 14% от общего числа учащихся народных школ.

¹³ Там же.

Русские учащиеся составляли самую большую инородческую группу в латышских школах, что свидетельствовало о нарастании процесса латышизации русских детей, особенно в сельской местности. Одновременно русские школы становились все более мононациональными. В 1936/37 учебном году русские учащиеся составляли в них уже 98,8%.

Несмотря на обязательность основного образования, далеко не все русские дети посещали основную школу и оканчивали ее. В 1930 году лишь 69,62% русских детей в возрасте от 10 до 15 лет посещали школу¹⁴. По этому показателю русские заметно отставали от других народов, населявших Латвию, хотя из года в год число посещающих школу возрастало.

Отставание в области основного образования обуславливало и отставание в области среднего образования. У русских только каждый 22-й выпускник основной школы продолжал образование в средней школе, в то же время у латышей – каждый 14-й, у поляков – 9-й, у немцев и евреев каждый 4-й¹⁵.

О неравномерности развития русского среднего образования свидетельствуют данные о количестве русских средних школ и учащихся в них¹⁶:

Учебный год	Количество школ	Количество учащихся	% русских учащихся	Количество русских учащихся	% русских учащихся среди всех учащихся средних школ
1920/21	23	2728	17,0	-	-
1921/22	25	2923	19,9	-	-
1922/23	34	3978	23,8	1003	-
1923/24	28	3812	24,6	1020	4,7
1924/25	22	3061	30,2	1051	4,9
1925/26	11	1869	49,6	1139	5,3

¹⁴ Trešā tautas skaitisāna Latvijā, 354 ep.

¹⁵ Русский ежегодник на 1938 год. – Рига, 1937. – С. 28.

¹⁶ Latvijas kultūras statistika, 47, 50 ep.

1926/27	13	1987	57,0	1318	6,1
1927/28	14	1958	59,4	1365	6,2
1928/29	14	1679	66,2	1326	6,0
1929/30	14	1605	73,1	1417	6,6
1930/31	14	1512	76,6	1393	6,6
1931/32	15	1431	79,3	1387	7,0
1932/33	14	1421	81,5	1405	7,5
1933/34	12	1287	82,4	1368	7,3
1934/35	11	983	89,5	1200	6,7
1935/36	7	754	92,4	1245	6,0
1936/37	3	556	93,0	1132	5,2

Как видим, наибольшее количество средних школ приходится на начало 20-х годов. Но во многих из них, особенно в частных гимназиях, процент русских учащихся был невелик. Это являлось отголоском проводившейся ранее политики русификации, а также следствием возвращения беженцев, детям которых зачастую легче было продолжить образование на русском языке. В русских школах обучалось много детей от смешанных браков. Высоким был процент еврейских учащихся. Но в середине 20-х гг. после длительной дискуссии, развернувшейся между Русским и Еврейским отделами, часть школ, в которых процент еврейских учащихся был особенно высоким, была передана в ведение Еврейского отдела.

Дальнейшее сокращение школ было связано как с экономическими трудностями, так и с государственной политикой. Если в начале 30-х годов в Латвии было 5 русских правительственных гимназий (в Риге, Даугавпилсе, Лудзе, Резекне и Яунлатгале), то к концу 30-х гг. остались лишь две из них – в Риге и Резекне, а также русский комплект при 2-й Даугавпилсской правительственной гимназии. В 1936 г. закрылась последняя из когда-то большого числа русских частных гимназий – гимназия О.Н.Лишиной. Число учащихся в русских средних школах продолжало уменьшаться и в 1939/40 учебному году составило 471 плюс 97 учащихся в Даугавпилском русском комплекте¹⁷.

¹⁷ Latvijas skolas 1939/1940 mācības gadā. – Rīgā, 1940, 118–119 ep.

Заккрытие целого ряда русских гимназий лишило возможности многих русских учащихся получить среднее образование на родном языке. К обучению же в латышских гимназиях многие не были готовы. К тому же эти гимназии были неспособны принять такое большое число новых учащихся.

Таким образом, история русской школы Латвии прошла через два этапа, тесно связанных с политическими процессами, происходившими в стране. Первый этап – этап наибольшего благоприятствования совпал с периодом существования парламентской демократии. Опыт, накопленный в этот период, представляет сегодня не только научный, но и практический интерес как один из вариантов демократического подхода к созданию системы образования в стране с полиэтническим составом населения. Второй этап пришелся на период ликвидации демократических основ государственного устройства, в том числе и созданной ранее системы образования. Хотя второй этап в истории русской школы оказался непродолжительным, однако уже к концу 30-х гг. стал очевидным ее кризис. В особо сложном положении оказалась средняя школа, все более ограничивались возможности получения образования на русском языке. Усилился процесс латышизации русских детей, что в конечном счете вело к их ассимиляции. В перспективе такая политика не могла не сказаться на развитии культурного уровня русского населения. Под вопросом оказалось и формирование нового поколения русской интеллигенции в Латвии.